

"БЛАГОДАРИЮ ЗА ЛЮБОВЬ..."

Сценарий - Санкт-Петербург - 1992 - 17 ноября - с. 6

СЛОВО О ДВУХ АКТЕРАХ, КОТОРЫЕ ПОДАРИЛИ МНЕ ПЯТЬ ДИВНЫХ ВЕЧЕРОВ

ЭТО БЫЛО совсем недавно, в осеннем Крыму...

На землю опустились ранние сумерки, где-то недалеко глухо шумело море, ему отзывались кипарисы, а здесь, на маленькой уютной сцене, двое вели разговор.

Он:

Любимая, спи...
Что причина бессонницы?
Ревущее море?
Дурные предчувствия?
Чья-то бессовестность?
А может, не чья-то,
а просто моя?..

Она:

Ты где-то вечером опять...
Не поворачивай время вспять,
Предоставляю многооточью
Распорядиться за меня,
Где ты и с кем на склоне дня...
А что ты будешь делать ночью?..

Он:

Не плачь, не морщь опухших губ,
Не собирай их в складки...

Она:

Откуда такая нежность?
Не первые — эти мудры
Разглаживаю, и губы
Знавала — темней твоих...

Блок, Пастернак, Цветаева, Казакова, Евтушенко, другие замечательные поэты помогли им как бы на одном дыхании вести этот пронзительный диалог о любви, и люди в зале благоговейно ловили каждое слово...

ЕЕ ДЕТСТВО прошло в Москве, на Мясницкой. Огромная коммуналка казалась девочке лучшим местом на земле, потому что в гости к ним приходили и Всеволод Жгут, и Иосиф Раевский, и еще кто-то, тоже «из театра», а театр, особенно — МХАТ, был для девочки самой главной страстью. На даче, в Загорянке, на веранде, вешали занавес (по которому парила бумажная «чайка», а ниже наклеенные буквы извещали: «НЕ МХАТ»), разыгрывали домашние спектакли. Конечно, она была только героиней: в «Волках и овцах» — Глафирой, в «Доходном месте» — Юленькой, в «Горе от ума» — Софьей... А на школьной сцене, в «Снежной королеве», — Гердой. И в переулке Столпана, на подмостках Дворца пионеров, блистала...

Оч тоже выступал на тех подмостках, только пораньше — лет так на пятнадцать пораньше. Нет, в его семье говорили не о театре. Тут в основном разговоры — о родном заводе «Динамо», где трудилась вся многочисленная родня. Школу закончил круглым отличником, за что был награжден... бюстом товарища Сталина. Увлекался математикой, однако учиться пошел на актера, в ГИТИС.

Что ж, главный экзамен «на актера» выпало сдавать на войне: их Первый Московский комсомольский фронтовой театр дал на передовую тысячу восьмисот спектаклей. Девятого мая, в ступенчатой рейхстага, он читал солдатам: «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...». Домой вернулся с орденом, с медалями — за Варшаву, за Берлин.

Играл. Закончил при Малом театре режиссерскую аспирантуру. Стал преподавать в студии МХАТа. Но все больше тянуло на эстраду. Нынешним мо-

лодым, наверное, не понять, сколь популярными до и после войны были в нашей стране чтецкие вечера. Как ломались на выступления Закушняк, Яхонтова, Журавлева, Кочеряна, Аксенова, Шварца... Какой эжотаж (что там нынешние рок- и поп-концерты!) сопровождал те программы, какой восторг (тогда еще «кайф», слава Богу, не «ловили») испытывали слушатели, анемля слову Пушкина, Лермонтова, Толстого, Тургенева, Достоевского, Мопассана, Маяковского, Блока... Таковы уж были тогда в стране вкусы, запросы, уровень культуры...

И он откликнулся на эти запросы. И он тоже собирал полные залы, самые разные: и тот, что в центре столицы носит имя Чайковского, и Бетховенский в Большом театре, и Октябрьский в Доме Союзов. И люди тоже замирали, когда звучало в его исполнении пушкинское: «Простишь ли мне ревнивые мечты...», или, допустим, строки из тургеневской «Первой любви», или — из Маяковского:

Чтоб не было любви — служанки
замужества, похоти,
хлебов.
Постели проклята,
чтоб всей вселенной
встав с лежанки,
шла любовь...

Однажды, работая в приемной комиссии МХАТа, обратил внимание на милую абитуриентку: глаза серые, в волосах заблудилось солнышко, на носу веснушки. По этим веснушкам он узнает ее через много лет...

И БЫЛ второй вечер...

Он: «Грей поднял в лодку свою мокрую драгоценность...»

Она: «Ассоль раскрыла глаза и, сразу поняв все, благодарно сказала: «Совершенно такой!..»

Он: «И ты, как в моих снах, — ответил Грей. — Но вот я пришел к тебе. Узнала ли ты меня!..»

Она: «И тогда, уже более не боясь ничего, она спрятала мокрое от слез лицо на груди друга, пришедшего и ней так волшебное...»

Снога за сном стонало море, и нам в зале чудилось, что оттуда, из волн, из тьмы, счастливо возникли здесь капитан Грей и Ассоль, эти столь, казалось бы, давно знакомые, но сейчас все равно словно заново открываемые нами два родных существа. И с новой остротой, до мурашек по коже, ощущалось: какое могущество и какая красота таятся в любви! И как важно, чтоб была у нас вот такая мечта — о корабле с алыми парусами. А еще хорошо, коль подобную мечту питает сама земля, ведь поэзия — это золото, которое иногда может быть найдено даже среди пыли и грязи...

Когда шум волн за окном чуть стихал, к нам доносились отдаленные вопли тех, кто «балдел» на концерте Маши Распутиной. «Балдевших» было очень жаль...

ДА, ВСТРЕТИЛИСЬ они не скоро... На выступлении спектакле юную актрису заметил сам Товстоногов, пригласил в свой театр. Но в БДТ, увы, у нее не заладилось... Огорченная, укатила за границу, в театр ГСВГ (Группы советских войск в Германии). Переигра-

ла там десятки ролей. Потом, в Москве, работала на телевидении — диктором, в издательстве — редактором. Заочно — как театровед — закончила ГИТИС... Ей казалось: со сценой связано навсегда. И тут она встретила его...

Ну а он к тому времени вдоволь познал уже вкус успеха и даже славы. Его афиши пестрели от Калининграда до Владивостока. Его приглашали в правительственные концерты. Его голос постоянно звучал по радио. Правда, во взаимоотношениях артиста с властями было все не так уж просто и гладко. Особенно — из-за дружбы с Евтушенко. С Женей жили они по соседству, и юный поэт постоянно доверял маститому артисту свои творения. Так вот, когда в начале шестидесятых Евтушенко волей Хрущева оказался под запретом, а артист его читать продолжал все равно, — вызвали на Лубянку, потом на партбюро алепили выговор, потом Фурцева распорядилась: «В течение трех лет выступать не позволяю!»

Но даже Екатерина Алексеевна, министр культуры, член Президиума ЦК, оказалась не всемогуща. Знаменитый итальянский дирижер Рикардо Мути пожелал показать миру ораторию Сергея Прокофьева по сценарию Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный» — «для чтеца, хора, оркестра и солистов», и выяснилось, что из всех известных чтецов мастер предпочитает только его, опального артиста. Ах, какие это были гастролы! Ему аплодировали Варшава, София, Западный Берлин, Амстердам, Париж, Лондон, Неаполь, Флоренция, Филадельфия, Нью-Йорк... А вот что о нем писала, например, «Нью-Йорк таймс»: «Это актер настоящей, эйзенштейновской школы — с горящими глазами, богатым голосом, с яркими, точными жестами рук, с лицом, выразительность которого не оставляет сомнения в подлинности переживаемых чувств...» Ей вторила «Дейли ньюс»: «В любых образах: будь то вождь толпы — юродивый, или Иван, переживающий трагедию, или другой Иван, с трона диктующий законы для объединения Руси, — во всех этих ролях актер абсолютно прекрасен. Он продолжает великую традицию, которую установил Федор Шаляпин, исполняя роль другого царя — Бориса Годунова...»

А потом он встретил ее...

И БЫЛ третий вечер...
Вечер Мопассана. Кое-кто из публики пришел на «клубничку»: «Мопассан — это же знаете...» Но вот появились артисты...

Он: «Мы живем в век взяточничества, в царстве сделок с совестью и преклонения перед золотым тельцом...»

Она: «И если бы мне пришлось описывать все подлости, о которых я знаю и о которых догадываюсь, мне не хватило бы двадцати четырех часов в сутки...»

Он: «У нас укоренились американские нравы. Вот и все».

Она: «Где Мопассан. Из статьи «Злободневный вопрос». 1886 год...»

А дальше следовал «Милый друг», и люди в зале понимали, что это ведь

оказывается — не просто «адюльтер», а во многом — беспощадная правда про нашу сегодняшнюю жизнь, где с нравственностью, с порядочностью ой как непросто, где подросли люди, для которых карьера, добытая любыми средствами, — превыше всего, и во имя этой самой карьеры они готовы действовать, и в малом, и в большом, как самые откровенные хищники...

ОНИ СПРАЗУ ощутили, что созданы друг для друга. Но сколько разных препятствий лежало на пути к тому, чтобы быть вместе...

А еще он понял: она же — великолепная актриса! С необыкновенной трепетностью. С настоящей (не изображаемой!) эмоциональностью, заразительностью. С ослепительным обаянием (не красавица, а кажется красавицей!). Уговорил ее начать работать. Заставил вновь поверить в себя. И раз за разом радостно открывал в ней все новые краски, все новые изюминки... Да, это — его актриса! Ей тоже претят так называемые «наизушники» — чтецы, для которых главное — хорошая память и громкий голос. Она, как и он, убеждена: актер должен уметь произнести фразу так, чтобы слушатель не ощущал ее как выученные, «чужие» слова, а верил, что это высказанные вслух мысли самого артиста. Артист должен уметь сделать текст автора своим... И еще для исполнителя очень важна лишь ему одному свойственная музыка подтекста, лишь ему одному присущая интонация...

И услышали люди их программы: «Поэты о любви», «Раскройте вы книгу мою» (по стихам и прозе Луконина), «Алые паруса», другие... К феерии Грина обратились потому, что исчезает из жизни романтика, грубеют нравы, и куда ни глянь (особенно — благодаря засилью так называемой «мас-

совой культуры») — пошлость... Где только не появлялись они с историей про Грея и Ассоль, даже в тюрьме, у уголовников. Сначала те хихикали: мол, давай, травни сказочку... Но минут через пятнадцать ухмылки исчезали, глаза светлели...

Ездили по стране. Выступали в самых престижных залах. Но не гнушались ни школьным классом, ни заводским цехом. Их уже помнили, любили, ждали. Однако бдительные чиновники, надсмотрщики от идеологии, тоже за ними следили, и — если что — показывали зубы. Например, однажды возмутили их стихи Бернса:

При всем при том,
При всем при том,
Хоть весь он в позументах,
Бревно останется бревном
И в орденах, и в лентах!..

Чиновники решили, что это артисты — про Брежнева. Разразился скандал.

И БЫЛ четвертый вечер...

Она читала Цветаеву:

Благодарю, о Господи,
За океан и за сушу,
И за прекрасную плоть,
И за бессмертную душу,
И за горячую кровь,
И за холодную воду,
Благодарю за любовь,
Благодарю за погоду...

К ЦВЕТАЕВОЙ подступала долго-долго. У Ариадны Эфрон есть признание: «Я никак не могла дорости до понимания собственной материи». И актриса тоже не могла дорости. Но вот прочла воспоминания Ариадны, Анастасии, дневники Марины, письма — и озорливо: «Так вот в чем дело! Вот почему ей не нравилось, как Цветаева читают другие исполнительницы: у них Марина предстает изначально трагической фигурой, словно ее только что вынули из пелли. А она же — ужасно жизненно-любовный и страстный человек!»

Перед тем, как читать эту программу, обычно не спит двое суток. Но и

многие зрительницы потом тоже не спят. Результ...

И БЫЛ пятый вечер...

«Но почему же меня предали мои коллеги-артисты! Ведь они были моими партнерами по сцене, друзьями в жизни! Наверное потому, что еще живы были в нашей стране традиции предательства. Спите спокойно, товарищ Сталин: посеянные вами и вашими соратниками семена ненависти, зависти и злобы дают пышные всходы...»

Книгу Вишневской «Галина» они читали вместе, вслух, и охали от восторга. Поражала огромная внутренняя свобода автора, сила, размах... Жить в тех условиях только по законам совести, вести себя лишь так, как положено интеллигенту, — да это же потрясающе! Мгновенно возникла идея программы: «Ваш выход, Галина Павловна!» Работали (он снова режиссировал) до изнеможения. И опять сюжет соединили с музыкой — Рахманинов, Шуберт, Скрябин, Чайковский...

ВОТ ТАК и живут. Дарят людям волшебные минуты, часы, вечера. И друг другу тоже дарят счастливые мгновения. Потому что — любят... В их день он всякий раз, год за годом, приносит ей розы. Однако нынче, когда жизнь стала столь суровой, а профессия чтеца, по сути, невостребованной (ну, в самом деле, какой делец от эстрады вдруг возжелает делать «бабки» на чтецах?!), преподнес лишь три гвоздики. И стихи:

Как символ верности моей,
Как символ бедности моей
Дарю любимой три гвоздики.
В наш век, мучительный и дикий,
Когда не до «служенья муз»,
Я верю: наш с тобой союз
Все трудности преодолеет.
В моей душе надежда зреет,
Что время мудрости придет,
Когда искусство расцветет.
И в преданность светлых дней
Я с этой верою великой
Дарю любимой три гвоздики —
Как символ бедности моей,
Как символ верности моей...

Она прочитала и заплакала. А вообще они не хандрят. Вопреки всем обстоятельствам, вопреки «неуважению» своей профессии — упорно продолжают делать дело. Скоро очередная премьера — «Тайна кремлевских жен».

Я побывал у них дома. Там есть маленький корабль с алыми парусами — подарок омских студентов. А еще есть старая книжка про Грея и Ассоль с такой вот надписью Нины Николаевны Грин: «Пусть у вас все будет алой!»

ДА, ЧУТЬ не забыл о самом главном: звать-то их как!

БОРИС МОРГУНОВ, народный артист России.

ИРИНА РОМАНОВА, просто хорошая актриса.

Может, и вам повезет провести с ними хотя бы один вечер...

Лев СИДОРОВСКИЙ

Фото автора

Ялта — Москва — С.Петербург